

ГЛАВА XIV. О взаимности в правительстве. О тождестве политического и экономического принципов. Как решает рабочая демократия задачу сочетания свободы с порядком

Теперь нам понятно, что экономическое право, о котором я не раз говорил в своих прежних сочинениях, или, другими словами, справедливость в политической экономии состоит во взаимности. Вне учреждений, свободно основанных по принципу взаимности на разуме и опыте, экономические отношения представляют путаницу противоречий, вызванных случайностью, обманом, насилием и кражею.

Из экономического права само собою вытекает общественное право. Правительство есть система обеспечений; тот же принцип взаимной гарантии, обеспечивающий каждому образование, работу, беспрепятственное развитие своих способностей, занятие своим ремеслом, пользование своей собственностью, обмен продуктов и услуг, – точно также обеспечит всем порядок, справедливость, мир, равенство, умеренность власти, добросовестность должностных лиц, общую взаимную преданность.

Подобно тому, как сама природа разделила землю на разные поясы и части, которые в свою очередь раздробились на участки между общинами и семействами, точно так же работы и производства распределились по закону органического разделения и в свою очередь

составили определенные группы и корпорации.

Таким же образом, явится, при новом договоре, правильное распределение политического самоуправления, гражданских учреждений и корпоративных отношений в областях, округах, общинах и других частях. Благодаря этому распределению, повсюду станет царствовать настоящая свобода.

Уничтожается старый закон единства и поглощения. И вот, с той минуты, когда различные части государственного организма начинают действовать в силу нового договора и взаимного соглашения, – везде появляются свои политические центры действия. Каждая группа или этнографическая разновидность, каждое племя, говорящее своим языком, сохраняет независимость развития; каждый город, обеспеченный в своем самоуправлении, живет по-своему, совершенно самостоятельно. По праву, единство удерживается и выражается путем взаимного обещания, которое дают друг другу все независимые политические группы, а именно: 1) заключать договоры с соседями, на известных принципах; 2) защищаться сообща против внешнего врага и домашнего деспотизма; 3) входить в необходимые соглашения касательно экономических интересов и помогать друг другу в случаях повальных бедствий. Для надзора же за исполнением общего договора и в видах общего благосостояния, составлять народный совет из выборных от каждой политической группы.

Итак, то самое, что на экономическом языке называется нами «взаимностью или взаимным обеспечением», в политическом смысле выражается словом – федерация. Этими двумя словами определяется вся реформа наша в политике и общественной экономии.

Я не стану более распространяться о выводах учения взаимности, о тех самых выводах, которые так ясно изложены в Манифесте Шестидесяти по поводу корпоративной реформы, применения всеобщей подачи голосов и провинциальных и городских прав. Довольно того, что, в силу логики и на основании фактов, я утверждаю зависимость политики от экономии, которые в рабочей демократии должны обе следовать одному и тому же методу и подчиняться одним и тем же принципам. Отсюда прямо следует, что в будущем и единая республика, и конституционная монархия, также мало соблазнят народ, как и торговая анархия или икарыйская община.

Бесспорно, что подобное воззрение еще не успело в настоящую минуту стать общим: только немногие избранные мыслители признают его верным. При всем том, основание заложено, семя брошено, и оно разовьется непременно силою народной логики и естественным течением событий. *Dabit Deus incrementum*. С глубоким убеждением можем мы сказать теперь: хаос социализма 1848 года рассеялся; что обещает он в будущем – разгадать не берусь, но вижу и знаю только то, что зародыш социализма развился и созрел вполне. Клевета и невежество не уничтожат его, потому что он должен жить, и задача его жизни решена. Отныне революция демократическая и социальная не шутя обращается в систему обеспечения, которая не замедлит восторжествовать.

Идея взаимности, вне которой, как мы убеждаемся со дня на день, нет для народа спасения, нет для него возможного облегчения, эта самая идея при своем появлении в свет вызвала,

однако, некоторые упреки. Против неё восстали с двух сторон такие партии, которые, несмотря на внешнее несходство воззрения и характера, в сущности совершенно одинаковы: я разумею старую демократию и буржуазию. С одной стороны, старые демократы стали опасаться, что учение взаимности уничтожит национальное единство, то есть ту силу общественной связи, которая придает народу значение и славу. С другой стороны, буржуазия заявила подобное же недоверие: она увидела в системе взаимности стремление к анархии и, во имя самой свободы, стала протестовать против зверства личного права и непомерного притязания личности вообще!!

Поводом к такому протесту послужило отчасти то обстоятельство, что в среде более здравомыслящих, чем благоразумных писателей нашлись люди, которые в последнее время особенно сильно нападали на центральную власть за её стремление захватить все в свои руки. Надо знать, что во Франции, в течение уже двенадцати лет, господствует общее отвращение ко всякому движению, и потому, в конце концов, после всевозможных споров, раздоров и противоречий, большинство отстаивает так называемый «порядок» и восстает против свободы.

И так, волей-неволей, рабочая демократия должна показать, каким образом, следуя своему принципу взаимности, думает она осуществить девиз буржуазии 1830-го года – «Свобода – Общественный Порядок» или то самое, что республиканская демократия 1848 года охотнее выражала словами: «Единство и Свобода».

Здесь представляется нам удобный случай видеть все величие значения и характера той верховной идеи, в силу которой торжественно заявляется политическая способность рабочих классов.

Обратим сперва внимание на то, что ум человеческий не в состоянии отрешиться от идеи единства. Эту идею он утверждает во всем: в религии, в науке, в праве; он желает, разумеется, ввести ее и в политику, и даже в философию и свободу, не взирая на логическую невозможность. Единство – закон всего живущего и организованного, закон всего, что чувствует, любит, наслаждается, создает, борется, работает и, путем борьбы и труда, ищет порядка и благополучия. Отрицание единства казалось всегда принципом дьявольского царства, анархией, разложением, то есть смертью. Только в видах единства строятся города, издаются законы, появляются государства, освящаются династии и, только во имя единства, народы повинуются своим владыкам, парламентам, первосвященникам. Только из страха разложения, как неизбежного последствия смут и раздоров, всюду полицейская власть преследует своим подозрением и гневом философские исследования и «дерзкую» критику, и «нечестивое» отрицание и «богоубийственную» ересь; только для сохранения этого драгоценного единства и сносят иногда народы самую возмутительную тиранию.

Постараемся же понять, наконец, что такое единство в настоящем своем смысле.

Заметим сперва, что как нет Свободы без Единства или, все равно, без Порядка, точно так же нет и единства без разнообразия, без разделения, без разносторонности; нет Порядка без протеста, без противоречия и борьбы. Свобода и Единство или Порядок, эти идеи точно

так же предполагают одна другую, как кредит залог, как материя дух, как тело душу; их нельзя ни отделять, ни совмещать; волей неволею приходится жить с ними и возможно только уравновесить их.

И так, вопрос заключается вовсе не в том, как утверждают бессильные софисты: выйдет ли Свобода из Порядка или Порядок из Свободы; можем ли мы считать Свободу причиной Порядка или последним словом прогрессивного развития? Все это вздор, потому что Порядок и Свобода, для своего заявления, вовсе не требуют постороннего содействия или позволения: они существуют вечно, во взаимной неразрывной связи. Вот почему вся задача состоит в том, чтобы определить их соотношение и отличительный характер.

До сих пор, в каждом политическом обществе, Порядок и Свобода были выражениями неточными, случайными, чтобы не сказать произвольными. Человечество, в своем самобытном развитии и самоосвобождении, жило рядом гипотез, которые были для него, в одно и то же время, опытом и переходом из одного состояния в другое. Может быть мы не дошли еще до конца и не исчерпали всех этих гипотез; во всяком случае, для нас утешительно то, что в настоящее время мы знаем, что 1) общество стремится одновременно к Свободе и Порядку, и 2) можно определить и ускорить это стремление.

Отчего, в самом деле, столько правительственных форм, столько государств так сказать уничтожались сами собой, одни за другими?

Отчего общественная совесть осудила их безвозвратно и, в настоящую пору, не найдется в цивилизованной Европе ни одного человека, который захотел бы клясться во имя какой-нибудь конституции? Отчего даже конституционная монархия, дело трех последовательных поколений, та самая монархия, которую так любили наши отцы, противна уже современным людям и представляет повсюду в Европе картину своего явного упадка? Все это происходит оттого, что ни одна политическая форма не дала еще до сих пор настоящего решения задачи согласования Свободы и Порядка, того согласования, которого требуют все разумные люди. Это происходит оттого, что единство, как понимают его самые крайние либералы и отчаянные абсолютисты, остается еще единством выдуманное, искусственным, делом принуждения, насилия, короче – чистым материализмом, который противен совести и недоступен разуму. Подобное единство ничто иное, как догмат, выдумка, знамя, символ секты, партии, церкви или племени; говоря другими словами – догмат веры или государственной необходимости.

Поясним нашу мысль несколькими примерами. Франция представляет нам громадный образ единства: начиная с Гуго Капета, мы можем по годам показать время присоединения каждой провинции и образования государственного единства. В 1860 году Савойя и Ницца, в свою очередь, присоединились к Франции: что может доказать это в пользу её единства? Какая ей выгода от увеличения территории и завоеваний? Неужели политическое единство только один вопрос о пространстве и границах государства? Если бы это было так, то задача единства могла бы разрешиться только во всемирной монархии, и никто не верил бы тогда в судьбу Франции, Англии, и никакое государство не имело бы смысла.

Из области материализма перейдем в область спиритуализма. Всеобщая подача голосов, как она выразилась законом 1852 года, конечно представляет собой идею единства; тоже самое можно сказать и об избирательных порядках 1830, 1806, 1793 годов и т. д. Что же, спрашивается, доказывают все эти формулы? В которой из них найден настоящий порядок и выражено истинное политическое единство? Или, еще лучше, в которой из них нашли мы больше смысла и совести? Какая из них не изменила Праву, Свободе, Разуму?!

Мы уже заметили, что политическое единство не может быть вопросом о территориальном протяжении и границах; это самое единство тем более не может быть вопросом желания или подачей голоса. Я иду дальше и говорю: не уважай никто рабочей демократии, которая кажется решительно стоит за свои избирательные права, и не надейся никто на её будущность, что случилось бы тогда с самой идеей всеобщей подачи голосов? Кто бы верил в нее? Спрашиваю я.

Нет, для нового поколения нужно такое единство, в котором выражалась бы общественная душа, т. е. единство душевное и разумный порядок, связующий нас всеми силами совести и ума и, вместе с тем, дающий нам свободу мысли, воли и сердца. Да, новому поколению нужно единство, которое не возбуждало бы с его стороны никакого протеста, никакой ненависти и презрения, так, чтобы это единство было выражением самой Правды. Мало того: нам нужно не только такое единство, которое только обеспечивало бы нашу свободу, но вместе с тем развивало и укрепляло бы эту свободу, чтобы она стала вполне синонимом порядка, совершенным выражением метафизической формулы – Свобода значит Порядок.

Но возможно ли, наконец, чтобы политическое единство удовлетворило подобным условиям? – Без сомнения, если только оно будет основано на праве и правде, которые исключают всякую возможность рабства.

Приведем в пример систему весов и мер.

Неужели наша метрическая система, входя во всеобщее употребление и заставляя всех производителей и купцов прибегать к одному и тому же легкому способу оценки и счета, могла быть невыгодной и произвести какое либо замешательство? Напротив того: все народы, благодаря введению единства мер и весов, упростили бы свои экономические сношения и избавились бы от множества неудобств. Неужели следует полагать, что подобная реформа измерения и счетоводства не вводится повсюду, потому что противна интересам и свободе? Вовсе нет: введению этой разумной реформы противятся местные предрассудки, ложное самолюбие народов, взаимная ненависть государств, короче рабство и трусость мысли. Пусть исчезнут все нелепые предрассудки и обычаи, пусть массы перестанут поклоняться рутине, пусть власти откажутся исключать все, что создается не ими, не по их злостной прихоти, и завтра же метрическая система войдет во всеобщее употребление на всем земном шаре. Русский календарь отстаёт на 12 дней от астрономического: почему же Россия до сих пор не вводит у себя григорианского счисления времени? Очень просто: если бы правительство решилось на подобную реформу при настоящем состоянии народного развития, то изуверы сочли бы его вероотступником.

Итак понятно, что единство мер и весов могло бы осуществиться, несмотря на все разнообразие слов, знаков и штемпелей; такое единство было бы важным шагом на пути развития и свободы. Тоже самое можно сказать о единстве наук: это единство может существовать и даже существует на деле, не взирая на все разнообразие языков, методов и школ; опять новый шаг на пути всеобщего развития, опять новое и могущественное выражение свободы. Тоже самое, наконец, можно сказать и о единстве нравственности, которое признает человеческий разум, несмотря на все разнообразие вероисповеданий, обрядов, церковных учреждений, и в котором каждый добросовестный человек видит теперь единственный залог чести и свободы.

Такова должна быть общественная связь, таков должен быть принцип всякого политического порядка, одним словом, таково должно быть Единство, к которому стремятся все люди, как существа разумные, свободные и желающие царства свободы. Это самое единство, исключая все старые формы своего выражения, делается со дня на день незримым, неосязаемым, как воздух, в котором свобода, как птица, живет и поддерживается.

Каким же образом осуществить это желанное единство?

Приложение принципа взаимности обещает нам единство, обеспеченное от всякого стеснения, свободное от всякой исключительности, подлога и нетерпимости, обещает порядок до такой степени удобный, что без него немыслима свобода.

В самом деле, что такое взаимность? Формула справедливости, которая до сих пор пренебрегалась или тщательно скрывалась различными законодательными мерами, формула, по которой все члены общества, какого бы ни были они звания и состояния, будь то сословия или личности, общины или семейства, все равно чем бы они ни занимались: промыслами, земледелием или общественной службой – все они обещают и обеспечивают друг друга услугу за услугу, кредит за кредит, залог за залог, доверие за доверие, ценность за ценность, истину за истину, свободу за свободу...

Вот та радикальная формула, которую демократия хочет преобразовать теперь право во всех его отраслях или категориях: право гражданское, право торговое, право международное; вот основание экономического права Демократии.

При подобной взаимности, мы будем связаны самыми прочными и необременительными узами. Мы будем иметь порядок самый совершенный и удобный, какой только может связывать людей. Мы будем пользоваться всеми благами свободы, какие только для нас доступны. Правда, участие власти в этой системе будет постепенно все уменьшаться; но что за беда, если власти нечего будет делать? Я признаю далее, что и благотворительность окажется в этом строе бесполезной добродетелью; но разве мы не будем застрахованы от эгоизма? Как вы обвините в недостатке какой бы то ни было добродетели, частной или общественной, таких людей, которые, не давая ничего даром, обеспечивают и дают друг другу все: образование, труд, торговлю, наследство, богатство, безопасность?

Это не то Братство, скажут может быть, о котором мы мечтали, не то братство, которое предвидели древние реформаторы, возвещал Христос, обещала революция. Какая сухость! Какое мещанство! Это идеал торгашей и маклеров; он не удовлетворил бы даже наших старых буржуа.

В первый раз это возражение было сделано мне уже давно. Но оно убедило меня только в том, что для большинства наших революционеров требование реформы служит только предлогом агитации; но они в нее не верят и не заботятся о ней. Они отступили бы, если им доказали бы возможность реформы и пригласили их привести ее в исполнение.

Вы, поклонники идеала, вы, считающие чем-то низким и мещанским простую пользу, оставляющие домашние заботы на долю других, – вы думаете, что избрали, подобно Марии, благую часть; ошибаетесь, жестоко ошибаетесь: позаботьтесь прежде всего о хозяйстве, Oeconomia, а идеал придет сам собой.

Как! Из того, что люди взаимности будут иметь каждый свой угол; из того, что прекратится безпутная трата сил и повальная проституция, и всякий, с редкой в наше время уверенностью, в состоянии будет указать на свою жену и своих детей; из того, что с воцарением этих утилитарных начал жилище человека делается чище и прекраснее Божьего храма; из того, что государственная служба, приведенная к своему простейшему выражению, перестанет быть предметом честолюбия, точно так же, как не будет и самопожертвованием: из всего этого вы составляете обвинительный акт против наших граждан и обличаете их в грубости и эгоизме! Вы утверждаете, что в этом обществе нет ничего высокого, ничего братского!.. Да, мы давно знаем чего вам нужно, и вот вы окончательно сбрасываете маску. Вашей общине, которую вы величаете рабочей и демократической, нужна власть, старшинство, разврат, аристократия, шарлатанство, рабство, подчинение человека человеку, рабочего художнику, и, в заключение всего, свободная любовь. Позор!..[16]

Версия #1

Зверобой создал 20 марта 2025 04:16:00

Зверобой обновил 20 марта 2025 04:16:24